

А. Б. КРАСНОГЛАЗОВ

Великий современник (У. Черчилль)

<Фрагмент>

Считается, что великого человека можно разглядеть уже в ребенке. Но очень немногое в детстве Черчилля указывало на то, что это будущий премьер-министр и писатель, получивший, кстати, за свои литературные труды в 1953 году Нобелевскую премию.

Толстячок с торжественным взглядом, он был меланхоличным ребенком. Родители старались развлечь его подарками и игрушками, среди которых любимой у него стала коробка с тысячей оловянных солдатиков. Проблемы стратегии, как видно, заинтересовали его довольно рано.

Когда Уинни исполнилось 6 лет, его отдали в колледж Св. Джеймса, очень дорогой интернат в Пскоте — модное, фешенебельное заведение, готовящее детей для поступления Итон¹.

Черчилль возненавидел колледж. Он ненавидел в нем все: дисциплину, предметы, профессора. Но больше всего латынь. Однажды было заодно выучить наизусть склонение существительного «стол». Уинстон выполнял задание с усердием, когда дошел до звательного падежа, поднял глаза на преподавателя и произнес:

- Что значит «о, стол»?
- Это звательный падеж существительного «стол».
- Но почему «о, стол»?
- Вы можете употребить эту форму, когда будете обращаться к столу, — сказал учитель.

— Но я не собираюсь беседовать со столами! — воскликнул Черчилль.

Этот эпизод стал началом его баталий с преподавателем латыни. А в результате он оказался практически единственным из крупных английских прозаиков, испытавшим недостаток в знании латыни, утверждает биограф.

Два года в колледже Св. Джеймса были для маленького Уинни настоящим несчастьем. Надо сказать, что в колледже практиковали порку, и юный Черчилль был порот часто и с энтузиазмом. Но его дух оставался непреклонным, и он слыл первым шалуном заведения.

Его секли так часто, что жажда мести за это сопровождала Черчилля многие годы. Уже в 18 лет, когда он был кадетом военного колледжа, он вернулся в колледж Св. Джеймса с намерением задать хорошую взбучку преподавателю-садисту (он с удовольствием представлял, как будет это делать на глазах ликующих учеников). К счастью для учителя, тот к тому времени уже умер, избавив, таким образом, будущего премьер-министра от тюрьмы.

Два года усердной порки сказались на здоровье Черчилля, и родители по совету врача забрали Уинни из колледжа. В девять лет его определили в Брайтон, учебное заведение с менее строгими правилами. Теперь образование юного строптивца проходило под наблюдением двух добродушных старушек, «однако непокорный нрав его не изменился совершенно», — говорит биограф Черчилля Эдгар Блэк.

Преподавательница танцев вспоминала, что маленький и рыжий ученик был самым плохим мальчиком в классе: «Очень часто я думала, что это даже самый плохой мальчик в мире». Черчилль постоянно оказывался замешанным в каких-либо историях. Играя в регби бегая из одного конца поля в другой, маленький Уинни выкрикивал боевой клич собственного изобретения: «Святой Хорхе, Святой Дунстан и дьявол!», деморализуя таким способом не только своих противников, но и собственную команду. Бедные старушек едва не наняли специального человека для порки маленького бесенка.

Лучшими минутами его детских лет были посещения дворца Блейнхем, где жила старшая сестра его отца, восьмого герцога Мальборо. Черчилль отождествлял себя со своим великим предком, первым герцогом Мальборо. Он обегал все триста двадцать комнат дворца, наслаждаясь трофеям герцога, сделавшего голо-

вокругительную карьеру, вооружением и доспехами, а также сценами из битв герцога, запечатленных на стенах дворцовых зал. Со своими оловянными солдатиками он разыгрывал раз за разом Бленхеймское сражение² (13 августа 1704 года герцог Мальборо командовал войсками и одержал победу над Францией и ее союзником) — величайший триумф Мальборо. Уинни решил, что его жизнь будет такой же яркой и волнующей, как жизнь первого Мальборо и что однажды он впишет свое имя на страницы британской истории, так же, как это сделал Мальборо.

Но очень мало в его поведении позволяло надеяться на то, что эти мечты когда-либо сбудутся. Он был мальчиком чрезвычайно недисциплинированным, полным кованых затей, сквернословом и пользовался хитрыми уловками, чтобы избежать контроля взрослых. Его успехи в учебе были так ничтожны, что их только-только хватало на то, чтобы переползти в следующий класс.

В это время в Брайтоне у его отца началась стремительная карьера. Когда Уинстону исполнилось 10 лет, лорд Рандольф уже занимал пост в кабинете министров и считался фигурой, способной в будущем стать премьер-министром. Это не только создало репутацию Уинстону как сыну известного человека, но и сделало его одним из самых горячих защитников своего отца на всю жизнь.

Десятилетний Уинни стал убежденным консерватором, совершенно не знавшим программы ни консерваторов, ни их противников. Мальчик настолько был предан своей партии, что отказывался играть с детьми активных либералов. Он завел специальную тетрадь, куда заносил не только все речи отца, но даже карикатуры на него.

Этот интерес мальчика к делам отца, к сожалению, не был взаимным. Убежденный, что его сын неудачник и никчемный человек, лорд Радольф, занятый парламентскими интригами, уделял сыну мало времени.

В тринадцать лет закончилось обучение Уинстона в Брайтоне, и он был переведен в Хэрроу. Почти все Черчилли учились в другом известном колледже — в Итоне, но Уинстона, дважды перенесшего пневмонию, отправили в Хэрроу, так как родители полагали, что климат в этой местности более благоприятен для ребенка с больными легкими.

Однако поступить в Хэрроу стоило для Уинстона большого труда, опять же из-за злосчастной латыни. Историю со вступи-

тельным по латыни описывали по-разному, вот как подает ее Блэк: «Черчилль сдал экзаменационный лист, который содержал кляксу, несколько рисунков, цифру “один”, заключенную в скобки, и его собственную фамилию». Однако, несмотря на это, Уинстона уважали, правда, больше благодаря репутации его отца.

На протяжении всех пяти лет учебы в Хэрроу Черчилль неизменно оставался последним учеников. «Прозванный своими товарищами “Морковная голова”, он быстро доказал им, что все таланты отождествляются с рыжими волосами», — отмечает в своей книге Э. Блэк.

Однажды, чтобы продемонстрировать свою силу, Уинстон столкнулся в бассейне Лео Амэри, мальчика из шестого класса. Испугавшись сделанного, Черчилль пробормотал: «Извини, я принял тебя за парня из четвертого класса, ведь ты такой маленький». Такое своеобразное извинение только увеличило раздражение вымокшего Амэри. Но когда Черчилль добавил: «Мой отец тоже маленький, но великий человек», — он рассмеялся и попросил Уинстона впредь быть осмотрительнее в своих поступках. Позже Амэри вошел в парламент, избравший Черчилля в кабинете министров!

В Херроу будущий премьер продолжил войну против образования и дисциплины, начатую им в Св. Джеймсе и развитую в Брайтоне. Упрямый и самоуверенный, Уинстон открыто спорил с преподавателями, исправлял их прямо на уроках, беззаботно пожимал плечами в ответ на частые и едкие замечания учителей по поводу его умственных способностей, насмехаясь над всяким, кто говорил ему это.

Однако, упорно избегая латыни и греческого, молодой Черчилль с удовольствием занимался английским. Будучи знатоком приключенческих романов, особенно Х. Р. Хаггарда³, он начал читать английских классиков и с особым усердием — Маколея⁴. «Никогда не встречал мальчика четырнадцати лет с таким почтительным отношением к английскому языку», — сказал позднее учитель Вэлден о своем выпускнике. Сам Черчилль в книге «Мое детство», касаясь тесы обучения в Хэрроу, писал: «Оставаясь долгое время одним из последних учеников, я получил большое преимущество перед учениками более способными. Все они изучали латынь и греческий и другие вещи. Но меня они приучили к английскому. Мистер Соммервил, человек приятный, которому я очень обязан, был ответственным за обучение самых тупых

мальчиков дисциплине наиболее презируемой — английскому. И он знал свое дело. Он обучал нас так, как не смог сделать этого никто другой. Просидев три года подряд в третьем классе, я имел в три раза больше времени для английского и поэтому выучил его практически наизусть. Я почти отождествился с внутренней структурой английских фраз».

Черчилль не любил занятий спортом так же, как и уроки латыни и греческого. Но он хорошо плавал, был ловким наездником, хотя командные виды были вне его интересов, как позже и работа в «команде» будет сложной проблемой в его политической карьере.

В Хэрроу Уинстон чаще всего проводил время, читая или просто мечтал в одиночестве, вдали от товарищей, среди которых он не был популярен.

В те годы, пишет Блэк, одной из характерных черт английских публичных колледжей была система обслуживания старших учеников младшими: чистили ботинки, бегали по поручениям и т. д. В свою очередь старшеклассники имели право сечь младших, если те не выполняли своих обязанностей должным образом.

Черчилль был назначен в услужение к Нугенту Нику, который позднее стал епископом Линкольна. Совершенно очевидно, что гордый и непреклонный дух Уинни подарил ему значительное количество порки от рук будущего епископа. Однажды, после очередной порки, которую будущий премьер вынес в полном молчании, она нахально заявил: «Я буду более великим человеком, чем ты». «За подобную наглость ты получишь еще», — ответствовало «духовное лицо».

Лорд Рандольф был в унынии от таких «успехов» сына. Хотя никто из Черчиллей не блистал в учебе, Уинстон «превозмог» всех в роду. Отец даже начал думать, что мальчик страдает умственной отсталостью, и забеспокоился.

Однажды во время игры Уинстона в солдатики в комнату вошел лорд Рандольф. Он с интересом наблюдал некоторое время за игрой сына, а затем спросил, нравится ли ему быть солдатом. Маленький Черчилль возликовал. Ему показалось, что лед между ним и отцом тронулся, что отец увидел в нем талант военного. На самом же деле лорд Рандольф решил, что военная карьера — единственная, к которой пригоден его неудавшийся отпрыск.

Таким образом, судьба Уинстона была решена. Но, как известно, несмотря на усиленную подготовку, он дважды проваливался

на вступительных экзаменах, после чего был отдан в «школу» капитана, занимавшегося натаскиванием особо тупых молодых людей для поступления в военное заведение. Лишь после этого, с третьего захода, Черчилль, наконец, поступил в Сэндхэрст, английский вариант американского Вест Пойнта. Правда, набранных баллов было настолько мало, что потомка герцога Мальборо взяли только в кавалерию, чему тот был рад, а его отец чрезвычайно огорчен.

Товарищам Уинстона по классу в Сэндхэрсте были люди не менее, а может быть, и более знатные, чем он, — принц Сиамской короны, принц Ибрахим Хассан из Египта, принц Аламайан из Абиссинии, будущий король Испании Альфонсо XIII.

В Сэндхэрсте Черчилля как будто подменили. Он стал спокойным и знающим студентом. От его агрессивности и упрямства не осталось и следа. Занимался он в энтузиазмом (надо заметить, что ненавистных ему латыни и греческого здесь не было), особенно верховой ездой. Позже Черчилль скажет, что езда на лошади была его любимым времяпровождением.

В Сэндхэрсте Черчилль в кругу своих товарищей часто выступал с пространными речами о государстве, о нации, о мировых проблемах. Однако мысли он полностью заимствовал у лорда Рондольфа, в результате чего молодой кадет выглядел как тори самого реакционного толка.

Однажды двадцатилетний Черчилль, обладатель тоненьких усиков и манер великосветского человека, сидя за ужином в ресторане, пространно разглагольствовал о политических проблемах. Женщина, сидевшая рядом, сказала ему: «Молодой человек, настолько у меня скудный интерес к вашим усикам, настолько же и к вашим политическим соображениям». Кадет отреагировал: «Миссис, мне чрезвычайно затруднительно разделить вашу точку зрения как по первому, так и по второму пункту».

Свою первую публичную речь юный Черчилль произнес летом 1894 года при довольно любопытных обстоятельствах. Молодые кадеты, и среди них Черчилль, любили посещать театр, известный под названием «Империя». Неожиданно объявилась некая Ормигстон Чанг, реформистка и антимилитаристка, которая выступала против продажи в баре театра «Империя» алкогольных напитков и присутствия в близлежащем скверике не обремененных добродетелью дам. «Добропорядочные» джентльмены стерпеть такого удара, естественно, не смогли. Они образовали

«Лигу защиты свободного времяпровождения» (в защиту выступила даже газета «Дейли телеграф»⁵). Целью лиги стала борьба против «реформ» миссис Чант⁶.

Жаждающий защитить бар и прилегающие к нему окрестности, Черчилль отпрашивается из своей части на два дня.

На последние гроши он мчится на такси до Лондона, чтобы присутствовать на собрании Лиги. И можно представить себе его разочарование, когда на собрании, для многочисленных членов которого Уинстон выучил наизусть длинную и замысловатую речь о конституционных правах индивидуума и т. п., кроме самого выступающего, оказался еще только основатель Лиги.

Совершенно сраженный этим обстоятельством, он насилу вернулся в Сэндхэрст, отдав свои часы как оплату за проезд. Однако это был не конец его злоключений. В Сэнхэрсте юному честолюбцу пришлось изворачиваться и уклончиво отвечать на вопросы своих друзей, жаждущих узнать об эффекте приготовленной им речи. Но труды Уинстона не пропали даром.

Немного позже миссис Чант добилась разрешения на установку заграждений, отделивших бар от скверика с его не добродетельными леди. В ответ на вылазку врага энергичный Черчилль организовал группу из кадетов Сэндхэрста, посчитавших, что подобные действия противника должны быть категорически пресечены, и назначавших крушить возведенные препятствия. Сам Уинстон влез на небольшую сцену бара и громовым голосом приступил к чтению той самой речи, разукрашивая ее теперь подходящими к случаю словечками и оборотами. И в довершение своего триумфа Черчилль и Ко разложили костер из подвергшихся экзекуции заборчиков миссис Чант. Справедливости ради надо заметить, что окончательная победа осталась все-таки за леди: она не только добилась восстановления заборчиков вокруг «Империи», но и окружила ими все остальные театральные ресторанчики Лондона.

Известный факт, который хотелось бы повторить здесь. С детства Черчилль шепелявил. Дефект речи особенно явно дал себя знать в этой первой публичной речи. И он, видя себя в будущем великим оратором, обратился к врачу Феликсу Симону, который помог ему немного уменьшить дефект. Однако избавиться от него окончательно Черчиллю не удалось до конца жизни. И уже будучи известным политиком, он избегал в своих речах слов, оканчивающихся на «с».

В Сэндхэрсте Черчиллю практически ничем не выделялся среди остальных юношей, но, тем не менее, закончил заведение восьмым из ста пятидесяти кадетов.

Тем временем здоровье отца Уинстона, страдающего прогрессирующим параличом, продолжало ухудшаться. Считается, что причиной было заболевание сифилисом, которое привело Черчилля-старшего к помешательству.

24 января 1895 года он скончался в возрасте 46 лет. Смерть горячо любимого отца была для Уинстона тяжелым ударом, хотя отношения между ними всю жизнь были более чем прохладными. «Если я вдруг своим поведением показывал, что между нами может существовать что-то похожее на дружбу, это вызывало в нем раздражение». — вспоминал позже Уинстон Черчилль.

Итак, Черчилль благополучно окончил в 1895 году Сэндхэрст и вышел из него в чине младшего лейтенанта. Будущее зависело уже от его энергий и связей его родственников. А связи герцогов Мальборо, семей Черчиллей и Джеромов (американский миллионеров, из рода которых была мать Уинстона — Дженни Черчилль) были чрезвычайно обширны, они распространялись до королевского двора. Королева Виктория даже принимала в Виндзоре мать Черчилля. Что касается связей в мире искусства, то достаточно упомянуть, что в доме у Черчиллей бывали Оскар Уайльд⁷ и Бернард Шоу⁸.

Уинстон мечтал о войне, но на горизонте британской внешней политики пока все было спокойно, что немало огорчало жаждущего боевых подвигов Черчилля. Но в том же 1895 вспыхнула небольшая «заварушка» на Кубе. И хотя английские войска участия в конфликте не принимали, Черчилль с помощью знакомого своего отца — английского посла в Испании — добился откомандирования в действующую на Кубе испанскую армию. «С целью изучения новейших испанских пуль», как значилось в приказе.

Почаствовать в сражения герою не удалось, но кое-что Уинстон все же из своего путешествия вынес: пристрастился к сигарам, крепчайшему кубинскому рому, а также к сиесте — послеобеденному отдыху, традиционному у кубинцев. Кроме того, он был награжден испанским орденом Красного креста, что, естественно, доставило ему удовольствие.

К этому же времени относятся и первые пробы пера Черчилля. Уезжая из Кубы, он подписал контракт с газетой «Дейли график» на публикацию в ней своих военных корреспонденции.

Осенью 1896 года полк Уинстона Черчилля направляется в Индию. Здесь, при высадке в Бомбее, с потомком великого Мальборо случилось несчастье — он очень сильно вывихнул плечо. «Эта травма полностью так и никогда и не зажила. И однажды, много лет спустя, во время одного из своих выступлений в Палате общин Черчилль слишком резко взмахнул рукой, да так, что вывих повторился, и Уинстон был вынужден обратиться к одному из присутствующих с просьбой вправить ему плечо», — повествует его биограф Э. Блэк.

Служба в Индии была легкой (как, впрочем, и в Великобритании),. Черчилль и два его друга арендовали дом по меньшей мере с двенадцатью слугами. Развлекались офицеры как могли: играли в карты и особенно в поло. Но самое главное — Уинстон чрезвычайно много читал. Он читал по 4–5 часов в день, как будто наверстывая упущенное в прежние годы. «Черчилль читал «Историю упадка и разрушения Римской империи» Гиббона, «Республику» Платона, «Политику» Аристотеля, труды Шопенгауэра, Маколея, Дарвина и Мальтуса, Гиббон и Маколей были им особенно любимы. Он перечитывал их снова и снова, проникаясь их стилем и находя в нем элементы своего собственного. Затем он набросился на теологию, а потом перешел на произведения Шекспира и Байрона. С каждой прочитанной книгой речь Черчилля становилась все вычурнее, развлекаая и утомляя его друзей-офицеров», — пишет Блэк.

Суждения Уинстона стали отличаться необыкновенной самоуверенностью даже в тех вопросах, в которых он не разбирался. Он исправлял других офицеров, демонстрируя свое превосходство, а однажды, во время обеда с индийскими принцами и другими высокопоставленными лицами, Черчилль дал им несколько советов по поводу управления государством. Вполне естественно, что подобные услуги не способствовали росту его популярности, что, впрочем, нимало не беспокоило будущего главу английского правительства.

«В индийской кампании Черчилль впервые попробовал виски. Раньше он пил только вино и коньяк, но, учитывая жаркий климат севера Индии, Уинстон решил, что более крепкие напитки лучше тонизируют», — отмечает Эдгар Блэк.

Впоследствии Черчилль вспоминает об этом так: «По прошествии пяти дней, я полностью преодолел отвращение к вкусу виски. Однако это не было одномоментным событием. Наоборот,

отвращение даже увеличилось и преследовало меня всю жизнь. Но открыв однажды, что вкус виски отвратителен, я сумел почувствовать в этой отвратительности в то же время и приятность. И с этого момента, несмотря на то, что всю жизнь проповедовал воздержанность, никогда не упускал случая попробовать этот главный напиток белого офицера на Востоке».

Уже в первом боевом походе группа, в которой находился Черчилль, была атакована патанами. Офицер, находившийся поблизости от Уинстона, в первой же стычке был ранен, и один из дикарей кинулся к нему, чтобы добить. Это была уже не Куба с ее сиестой и сигаретами. Казалось, еще секунда и ... Однако подвиги великого Мальборо, жившие до этой минуты только подспудно в сознании юного офицера, не замедлили вылиться в действия. Выхватив саблю и огласив окрестности воинственным криком, Черчилль бросился на туземца. Патан, видимо, более привыкший к другому оружию, бросил саблю и запустил в смельчака булыжником. В ответ Уинстон выхватил револьвер. После нескольких его выстрелов раненый дикарь кричал от боли, покинул поле битвы. Однако, несмотря на столь блестяще выигранный поединок, Черчилль обнаружил, что вот-вот опять подвергнется вражеской атаке и, найдя укрытие, отступил.

Сражение между небольшим английским отрядом и патанами продолжалось несколько часов, после чего, оставшись без боеприпасов, отряд был окружен превосходящими силами противника. И карьера столь блестяще начинавшего военного была бы окончена, если бы не подоспела помощь. «Черчилль дрался с большим энтузиазмом и храбростью, не проявляя, однако, достаточно ума. Когда к нему подошел подполковник и сказал, что приказывает отступить, Уинстон заявил:

“Подобный приказ вы мне должны отдать письменно”, — и продолжил сражение», — описывает этот эпизод Блэк.

Надо отметить, что Черчилль участвовал в этой кампании не как боевой офицер, а как корреспондент газет «Пионер» и «Дейли телеграф». За свои подвиги Черчилль был даже отмечен в приказе по армии.

Однако гораздо более важным результатом стала книга Черчилля «Повесь о малакандской полевой армии, 1897 г. Эпизод пограничной войны». Она увидела свет в марте 1898 года и состояла из накопленного в походе материала. Книга имела значительный успех. Премьер-министр Англии послал Черчиллю

поздравление в связи с выходом книги, и даже старый враг отца Черчилля принц Галльский сказал Уинстону, что «прочитал его книгу с большим интересом и думает, что и описания и язык в ней великолепны». Высшие же армейские чины, которых Черчилль, как всегда, критиковал и поучал, были от этого труда молодого офицера отнюдь не в восторге.

В 1896 году началась война в Судане, и Черчилль немедленно оказался там. Уинстон опять участвует в походе в качестве военного корреспондента. Однако все кончилось благополучно. «Единственная рана, — пишет Блэк, — была получена им после баталии. Ричард Болинекс, офицер, друг Черчилля, был очень серьезно ранен в результате сабельного удара. И доктор сказал, что срочно требуется пересадка ткани перед тем, как отправить раннего в Англию. Уинстон добровольно предложил взять его кожу. И небольшой кусочек величиной с монету был взят врачом из области подмышки, в то время как сам реципиент преспокойно курил сигару».

За корреспонденции, которые Уинстон посылал в течение года из Судана в «Морнинг пост»⁹, он получил более 300 фунтов стерлингов. За это же время его жалованье лейтенанта составило всего лишь 12,5 фунта стерлингов. Он писал матери: «Чем больше я наблюдаю солдатскую жизнь, ... тем больше я убеждаюсь, что это не мое призвание». Что ж, Черчилль имел право так думать, особенно если учесть, что, вернувшись из Судана в Англию, он в октябре 1899 года выпустил книгу «Речная война», в которой бесцеремонно поучал и критиковал армейское командование. Павда, теперь, когда Уинстон вышел в отставку, ему нечего было опасаться немилости военной верхушки. Общеизвестно, что двухтомная «Речная война» была значительным успехом 24-летнего Черчилля.

Любопытно, что если в детстве Уинстона считали чуть ли не недоумком, то сейчас ему стали пророчить быструю карьеру. «Так, когда Черчилль возвращался из Судана, он познакомился на борту корабля с журналистом Дж. У. Стивенсоном из «Дейли Мейл»¹⁰. Пораженный амбициями и напором Уинстона, он назвал его в одной из своих статей «самым молодым мужчиной в Европе», предсказывая при этом, что тот, несомненно, займет место в Парламенте в 30-е или 40-е годы», — пишет биограф Черчилля Э. Блэк.

Итак, Уинстон решил посвятить себя политике. Он был знаком с некоторым руководителями консервативной партии и надеялся

на их поддержку. В это время были назначены выборы в округе Олдэм графства Ланкашир — рабочем районе, о котором Герберт Аскит¹¹ (один из либеральных деятелей) говорил, как пишет Блэк, «это один из наиболее гибельных районов страны, заселенный почти исключительно уставшими ремесленниками с мрачными лицами, которых абсолютно ничего не интересует».

Карьеру политического деятеля Уинстон начал как «заблудшая овца». На собрании, утвердившем его кандидатом от консервативной партии на выборах, Черчилль буквально шокировал собравшихся испытанных парламентских бойцов, заявив одному из них, что, по его мнению, тот ровным счетом ничего не мыслит в тактике предвыборной кампании.

Скоропостижно умер «напарник» Уинстона по избирательному округу Роберт Аскрофт (по английскому закону, в округе должны баллотироваться два кандидата от каждой партии). На его место был выдвинут «тори» — рабочий Джеймс Моуделей. «Контраст между внуком герцога и заводским рабочим был огромен. И кандидаты консерваторов за глаза получили прозвище «Сципион и Социалист», — замечает Блэк по этому поводу.

Пока Джеймс Моудслей в своих выступлениях перед избирателями говорил о насущных проблемах рабочего класса, Черчилль, совершенно не знакомый с ними, разглагольствовал о «беззакониях английской церкви» в полной уверенности, что именно это должно больше всего волновать его избирателей-рабочих.

Как и его отец, Уинстон действовал энергично, самоуверенно, и... вразрез с политической линией своей партии. В результате он и его «соратник» по округу потерпели поражение от либеральных кандидатов. Консерваторы потеряли в парламенте сразу два места.

Председатель палаты общин Артур Бэлуфр сказал об Уинстоне: «Не стоит беспокоиться. Он молод, отважен, недаром он сын лорда Рандольфа... Не успеем мы и глазом моргнуть, как он пробьет себе дорогу». Сам Черчилль, впрочем, довольно быстро оправился от неудачи. Обошедшему его на выборах либералу Вальтеру Рансайману он сказал: «Не думаю, что каждый из нас уже сказал свое последнее слово». Заявление довольно смелое для человека, только что потерпевшего полный провал.

После своего неудачного политического дебюта Черчилль возвращается в лоно журналистики. Однако долго бездельничать ему не пришлось: в 1899 году началась война на юге Африки,

в Трансваале и Оранжевой Республике, населенных выходцами из Голландии — бурами.

«Черчилль собрался в дорогу. Газета “Морнинг пост” попросила Уинстона быть ее корреспондентом в Южной Африке. Ему было предложено двести пятьдесят фунтов в месяц плюс издержки (цифра по тем временам невероятная)», — повествует Блэк. Черчилль отбыл в Кейптаун.

На борту теплохода он познакомился с репортером из манчестерской «Гардиан»¹² Дж. Б. Аткинсом, который позднее в своих воспоминаниях так описал молодого Черчилля: «Через несколько часов пребывания на корабле мое внимание привлек молодой человек. Он был худой, с рыжими волосами, бледный, подвижный и часто, опираясь на поручни, наклонялся вперед, так же, как это, по описанию Броунинга, делал Наполеон. Иногда этот молодой человек задумчиво сидел, скрестив руки. Казалось, он решал важные проблемы. Очень скоро мы разговорились. Он сказал мне, что его зовут Уинстон Черчилль.

Пристрастие этого молодого человека к хорошему языку было очевидно. Он выглядел, как молодой писатель или оратор... Но когда мысль о карьере, какую например, сделал его отец лорд Рандольф, увлекала его, тогда он весь загорался и совершенно преображался.

Никогда раньше я не встречал такого бесстыдного честолубия, откровенно эгоистичного... Он был один и верил только в себя, в свои природные данные, перед которыми преклонялся. Он ни на кого не опирался. Однако он не страдал недостатком самокритики. Черчилль мог и посмеяться над своими честолубивыми мечтами...»

После четырехдневного морского и сухопутного путешествия Уинстон и его новый друг Аткинс прибыли в поселение недалеко от Эсткорта, который находился в руках англичан, но имел реальные шансы быть захваченными бурами. Там Черчилль встретился со своими старыми друзьями — Лео Амэри (тем самым, которого он во время учебы в Хэрроу столкнул в бассейн), теперь корреспондентом «Таймс»¹³, и с капитаном Холдейном, участником войны в Индии.

В это время возникла необходимость выслать экспедицию против буров. В ее состав входили кавалерия и бронепоезд. Собственно говоря, это был не бронепоезд, а одно название: плохо вооруженный и медленный, как черепаха, он являлся отличной мишенью для обстрела. Капитан Холдейн был поставлен во главе

отряда. Он предложил поучаствовать в этой вылазке Аткинсу и Черчиллю. Аткинс заметил, что экспедиция обречена, и она вряд ли сможет быть полезна своей газете в качестве пленного. Черчилль думал так же, но все же дал согласие: «У меня какое-то предчувствие, — сказал он, — что я буду что-то иметь от этого похода. Это нелогично, но я это знаю».

В скудной нашей литературе о Черчилле эта экспедиция описана, однако многие любопытные детали, содержащиеся в книге Блэка, неизвестны, поэтому, чтобы познакомить с ними читателя, нам придется повторить основные события экспедиции.

Итак, Уинстон присоединился к отряду, положившись на свою интуицию, и надо сказать, что до этого он не делал более верного шага. «фантастическая экспедиция бронепоезда, глупо задуманная и бездарно завершенная, сделала известным имя Уинстона Черчилля на весь англоязычный мир», — отмечает Блэк.

Предсказание Аткинса сбылось — бронепоезд попал в засаду. Несколько англичан были захвачены бурами, среди них и капитан Холдейн. Самого Черчилля взял в плен Луис Бота¹⁴ — позже он станет премьер-министром Южно-Африканского союза и союзником Великобритании в первой мировой войне. «Премьер» захватил «премьера».

По законам войны, гражданское лицо, участвующее в боях, подлежало немедленному расстрелу, поэтому Черчилль чувствовал себя более чем неуютно. И мир мог бы лишиться своего будущего героя, «человека века», как считает Блэк, если бы Уинстон не был сыном лорда. Именно это его и спасло: он был слишком важным пленным. Пленных опрашивали в Преторию. Как только они прибыли на место, Черчилль принялся обдумывать план побега. Здание, в котором содержались заключенные, было квадратной формы.

С двух сторон его окружали стены трехметровой высоты, с двух других — колючая проволока. Было совершенно очевидно, что днем пытаться сбежать бесполезно. И тогда Черчилль, со своими энергией и энтузиазмом, предложил поднять восстание и захватить Преторию. Однако горячей поддержки среди аборигенов этот план не встретил.

«Буры охраняли Уинстона строго, называли его “лорд Черчилль”, считали его главным военным трофеем. Поначалу такое горячее внимание к его особе льстило Черчиллю, но очень скоро он устал от него», — пишет Блэк.

Тем временем капитан Холдейн и пленный сержант Броки выработали свой план побега, и Черчилль попросил включить его в их группу. Броки, однако, не испытывал чрезмерной радости от того, что их стало трое: троим сложнее бежать. Кроме того, есть пугали экстравагантные выходки и необузданный темперамент журналиста. Но за своего приятеля вступил Холдейн.

Как и все гениальное, план был прост: они взбираются на крышу уборной и спрыгивают по ту сторону стены. Затем, ведомые Броки, который говорил не только на голландском, но и на каффир (местном наречии), беглецы пересекут сотню миль вражеской территории и выйдут к восточной, португальской, Африке. У них были припасены карты, шоколад и консервы.

«Побег был назначен 11 декабря, но из-за часового, чей пост был как раз возле уборной, удобного случая так и не представилось. На следующую ночь была предпринята новая попытка. Первым пошел Черчилль. Он спрятался в уборной и, когда часовой повернулся к нему спиной, вскарабкался на крышу, что стоило ему больших трудов из-за вывихнутого плеча, и перепрыгнул через стену. Он упал на кусты и, сразу же спрятавшись, стал ждать товарищей. Прошло полчаса, но их все не было. Черчилль, неудобно скрючившись в своем убежище, ожидал их с нетерпением. Чуть позже из-за ограды послышался свист Холдейна:

— Мы не можем бежать, — шептал капитан. — Всюду шныряют часовые. Будет лучше, если ты вернешься.

Черчилль же решив, что карабкаться по стене туалета, чтобы вернуться в плен, ему не пристало, решил рискнуть и выбираться в одиночку, несмотря на абсолютное незнание никакого другого языка, кроме английского. С семьюдесятью пятью фунтами стерлингов и четырьмя плитками шоколада в кармане он решил испытать судьбу», — рассказывает об этом эпизоде Эдгар Блэк.

Еще несколько лет этот случай не раз припоминали Черчиллю. Во время политических кампаний его часто обвиняли в том, что он бежал, бросив своих друзей. Сам Холдейн, по-видимому, считал, что Черчилль должен был вернуться назад, и так и не смог простить его поступка.

Итак, Уинстон благополучно добрался до железной дороги и сел на проходивший товарный поезд. Но на рассвете, поняв, что поезд идет не в ту сторону, куда ему было нужно, соскочил с него. Целый день он шел под палящим солнцем и вечером набрел на селение шахтеров. Расспросив их, он выяснил, что где-то не-

подалеку живет англичанин-инженер. Черчилль вконец устал и решил рискнуть: он постучал в первую попавшуюся дверь. Открыл высокий худой человек. Черчилль начал рассказывать длинную и замысловатую историю, втайне понимая, что обречен. Но фортуна не оставила его и на этот раз. На его рассказни человек просто заметил: «Нет необходимости врать. Вы Уинстон Черчилль, и это единственный дом на двадцать миль вокруг, в котором вы можете укрыться».

Этот человек был англичанином, его звали Джон Хорвард. Вместе с ним жил еще один английский шахтер Деуснеп, который, как оказалось, был из Олдэма, того самого округа, в котором Черчилля «прокатали» на выборах.

— Не волнуйтесь, — заметил он Уинстону, — в следующий раз мы все будем голосовать за вас.

Буры, однако, не собирались так просто расставаться со своим именитым арестантом. Приметы Черчилля были разосланы по всей стране. За его поимку объявили вознаграждение в 25 фунтов стерлингов (надо признать, что это не слишком большая сумма, особенно за голосу такой персоны). Были обшарены все уголки страны, но безуспешно. Тем временем друзья спрятали Уинстона в шахте. Его разместили в небольшой комнатке поземлей, где он в течение трех дней наслаждался виски и романом Р. Л. Стивенсона «Похищенный». На четвертый день принявшего горячую ванну Черчилля «засунули» в поезд, загруженный тюками с хлопком, который шел до порта Лорнсу-Маркиш. Он провел в этом поезде два с половиной дня, время от времени выглядывая из своего убежища, чтобы выяснить название городков, которые он проезжал. Эти названия настолько врезались в его память, что спустя тридцать лет он мог мгновенно назвать их все без единой ошибки.

Наконец поезд пересек границу. Он отпраздновал это своеобразно: вылез из своего убежища и начал палить из пистолета в воздух. Затем весь черный от паровозной копоти отправился к Британскому консулу, который принял его как родного сына. Весь мир облетело известие: Черчилль спасся! Черчиллю удалось бежать!

«Той же ночью Уинстон прибыл в Дурбан, где его встречали, как героя: гудки сирены, знамена и, по крайней мере, три оркестра», — отмечает Блэк. Уинстон на радостях отправил телеграмму военному министру буров, в котором сообщил о своем

спасении: надо полагать, что телеграмма вызвала у министра гораздо меньше радости, чем у британских властей. Однако, как, впрочем, и обычно, Уинстон не обошел вниманием и английских военачальников: в телеграмме, которую он отправил в ставку британской армии, он дал им несколько «добрых советов» и рекомендаций.

Побег Черчилля имел огромный резонанс. Газеты надрывались в похвалах его персоне. Хотя, конечно, была и противоположная реакция. Так, например, группа высших офицеров направила ему послание:

«Желаем тебе перестать быть ослом. Твои лучшие друзья». В подобном проявлении истэблишмента к Черчиллю сыграло, видимо, свою роль его заявление о том, что буры — это достойный уважения противник.

Побег Черчилля послужил как бы сигналом к наступлению английских войск, до сих пор терпевших поражения. Война быстро пошла на убыль.

